

— Какое коварство, — подумал Ван Цзун. — В тот момент он соблазнил меня именно этим лицом, а кто бы мог знать, что он огромная бабочка.

Ван Цзун все еще не решался войти в комнату и несколько раз переспросил:

— Ты ведь точно не ешь людей, так?

— Я не ем людей.

— И не ешь...

— ... — Мо Чжи сжал зубы, сдерживая гнев, — Не ем!

Только тогда Ван Цзун успокоился, проскользнул в комнату и прижался спиной к двери, держа дистанцию в два метра от товарища-бабочки.

— А теперь, — распорядился он, — немедленно покрась свои волосы.

— Но, — Мо Чжи разглядывал инструкцию к краске, — похоже, что это нельзя сделать немедленно.

— Через два часа.

Предупредив, Ван Цзун собрался уходить.

— Вечером приедет моя мама, пойдем встречать ее вместе.

Мать Ван Цзуна решила приехать внезапно. Жилые кварталы Федерации делились на три зоны, расширяющиеся от центра. Внешний круг назывался третьей зоной, а политический центр — первой.

В первой зоне были лучшие меры безопасности, поэтому Ван Цзун купил своей матери дом именно там, а сам жил в третьей, объясняя это работой. Но так ли это было на самом деле или же он просто хотел избежать контроля матери, не знал никто, кроме него самого.

Путь от первой до третьей зоны занимал немало времени, и к тому моменту, как Мо Чжи закончил красить волосы, уже стемнело. Кончики его волос все еще были влажными, когда он стоял на пороге ванной.

Когда цвет волос Мо Чжи стал похож на его собственный, Ван Цзун выдохнул с облегчением. «Наконец-то он стал похож на нормального человека», — подумал он. Он велел Мо Чжи спрятать все, что связано с бабочками, и ни в коем случае не показывать этого.

— Хорошо, — ответил Мо Чжи.

Ван Цзун уже спустился вниз, и его голос доносился снизу, немного приглушенный:

— Фен на раковине.

И добавил:

— Бери, откуда взял, и клади на место.

— Понял.

— И вправду, какой мелочный, — пробормотал Мо Чжи.

«Сможет ли он вообще найти себе пару с таким-то педантизмом?» — подумал Мо Чжи.

Он высушил волосы и спустился вниз. Ван Цзун все еще работал, воспользовавшись свободным временем. На нем были очки, он выглядел интеллигентно и сосредоточенно.

«С таким лицом ему не о чем беспокоиться, — подумал Мо Чжи, — если он, конечно, сам этого хочет».

«Конечно, если не хочет, то с деньгами можно и черта заставить толочь воду — можно и временного парня купить».

От мысли об этом контракте Мо Чжи стало не по себе. Он увидел, как Ван Цзун направляется к выходу, и поспешил за ним.

— Так что нам теперь делать?

— Что значит «что делать»?

— Два метра дистанции...

— ...

Босс не ответил, а просто велел Мо Чжи сесть на переднее сиденье и захлопнул дверь заднего.

«В конце концов, водитель не знает, что рядом с ним сидит бабочка, так что пусть немного потерпит», — подумал он.

Не получив четкого ответа, Мо Чжи сел, нервно ерзая на месте. Он понятия не имел, что сказать, когда встретит мать Ван Цзуна, и от этого становилось только тревожнее.

В тот вечер мать Ван Цзуна прилетела на самолете. Машина Ван Цзуна некоторое время стояла у аэропорта, и Мо Чжи в тревоге листал новости на оптическом мозге, как вдруг услышал голос Ван Цзуна:

— Выходи.

Он поспешно открыл дверь, но его вдруг кто-то потянул за руку, отчего он пошатнулся. В следующее мгновение он почувствовал, как теплая рука человека легла ему на плечо.

Ван Цзун с бесстрастным лицом подвел его к какой-то женщине и окликнул:

— Мама.

Мо Чжи непроизвольно открыл рот и чуть не повторил за ним «мама», но босс незаметно ущипнул его.

Мо Чжи опомнился и быстро поправился:

— Здравствуйте!

Женщина выглядела не очень хорошо, но на ее лице застыла вежливая улыбка.

— А это кто? — спросила она Ван Цзуна.

Ван Цзун ответил коротко и ясно:

— Мой парень, Мо Чжи.

Мо Чжи не ожидал, что он скажет это так естественно, и от смущения у него запылали уши. Но, заметив, что лицо матери Ван Цзуна стало еще мрачнее, он вдруг разволновался.

Ему показалось, что между ними повисла какая-то убийственная аура, хотя выражение лица

женщины не изменилось.

— Твой парень, — медленно повторила она.

Она говорила очень медленно, и это звучало еще более зловеще.

Мо Чжи чувствовал на себе ее изучающий взгляд и беспомощно посмотрел на Ван Цзуна, словно ища у него поддержки.

Ван Цзун не обратил на это никакого внимания и невозмутимо сказал:

— Да, садитесь в машину, уже поздно.

Мо Чжи снова посадили вперед.

Спинка сиденья скрывала его от взгляда матери Ван Цзуна, что позволило ему немного расслабиться.

Расслабиться наполовину.

Как только машина выехала на дорогу, мать Ван Цзуна начала расспрашивать его, как на допросе:

— Сяо Мо, верно?

— Д-да.

— А чем ты сейчас занимаешься?

Мо Чжи замялся, но Ван Цзун невозмутимо ответил:

— Мы уже поужинали.

«Что? — подумал Мо Чжи. — Он что, не слушал вопрос?»

— Какое у тебя образование?

— Жареные грибы.

— Какой университет ты окончил?

— Вызвал сантехника, чтобы прочистил туалет.

Мать Ван Цзуна была явно недовольна, и ее голос стал жестче:

— Ван Цзун.

Мо Чжи заметил, что даже водитель вздрогнул.

В зеркало заднего вида он увидел лицо Ван Цзуна. Мужчина был спокоен, он смотрел на какие-то документы, и разноцветные огни города отражались в его очках и на лице, словно в артхаусном фильме.

— Мама, — спокойно ответил Ван Цзун, — хватит.

— Ты столько лет упорно трудился, не порти себе репутацию из-за какой-то интрижки.

— Что значит «не порти репутацию»? — спросил Ван Цзун. — То, что я не встречаюсь и не женюсь на той, кого выбрала ты — это и есть испорченная репутация? Мо Чжи — живой человек, он не сделал ничего противозаконного, неужели его можно назвать «порчей»? В начальной школе я хотел поехать в летний лагерь, но ты запретила, отправив меня на курсы по математике, — продолжил он. — В старшей школе я хотел участвовать в мероприятиях, ты сказала, что это повлияет на мою учебу, и тоже не разрешила. В университете я тайком от тебя подал документы на исторический факультет, но ты решила, что это будет пятном на моей биографии, и заставила меня сменить специальность.

Голос Ван Цзуна был спокоен, он словно просто констатировал факты, не проявляя особых эмоций.

— Я человек, а не чистый лист бумаги, который легко испачкать, — сказал он. — Я не могу прожить всю жизнь так, как ты хочешь, и быть таким, каким ты хочешь меня видеть.

<http://bllate.org/book/15092/1333379>